

А.Л. Зайцев

Александр Трифонович Твардовский

(1910–1971)

(в сокращении)

Истоки. Детство

Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня 1910 года на «хуторе пустоши Столпово», относившемся к деревне Загорье Смоленской губернии, в большой, многодетной семье крестьянина-кузнеца. Позже он не раз вспоминал о «хуторском глухом подворье», о своей «малой родине» — Смоленщине, ее природе и людях. Ему были далеко не безразличны свои родовые корни. В поэме «За далью — даль» он писал:

Мы все — почти что поголовно —
Оттуда люди, от земли,
И дальше деда родословной
Не знаем: предки не вели,
Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед,
Хоть род и мой — он так же древен,
Как, скажем, твой, читатель, род...

Дед Твардовского Гордей Васильевич — уроженец Белоруссии, крепостной крестьянин — был за какую-то провинность отдан в солдаты и отслужил немалый срок в царской армии, а после возвращения закрепился на смоленской земле, обзавелся хозяйством и семьей. У него было 8 человек детей, самый младший из них — Трифон — стал впоследствии отцом будущего поэта.

Александр Твардовский хорошо помнил и очень любил деда, который уделял внукам много внимания, мастерил им простенькие игрушки, пел солдатские песни, баловал со своей небольшой пенсии незатейливым гостинцем. В стихотворении «Мне памятно, как умирал мой дед...» (1951) переданы чувство глубокой привязанности и боль утраты, впервые с такой остротой пронзившей детское сердце:

Мы с ним дружили. Он любил меня.
Я тосковал, когда он был в отлучке,
И пряничного ждал себе коня,
Что он обычно приносил с полочки.

И вот он умер, и в гробу своем,
Накрытом крышкой, унесен куда-то.
И нет его, а мы себе живем, —
То первая была моя утрата...

Отец поэта Трифон Гордеевич окончил трехклассную сельскую школу, проявив способности к учебе и особую страсть к чтению. Он обладал хорошим музыкальным слухом и голосом, в школьные годы пел в церковном хоре. Знал на память немало стихов и любил дома петь их на подобранные им самим мотивы. Был прекрасным мастером кузнечного дела и опытным хлеборобом, однако приобретенная в рассрочку, «скупая и недобрая» болотистая земля давала лишь скудные средства к существованию.

Трифон Гордеевич был человеком самобытным, с весьма своеобразным, твердым и даже крутым и жестким характером. По своему складу и привычкам он заметно отличался от соседей-крестьян, не случайно получив у них прозвище «Пан Твардовский». По воспоминаниям поэта, отец «любил носить шляпу, что в нашей местности, где он был человек “пришлый”, не коренной, выглядело странно и даже некоторым вызовом,

и нам, детям, не позволял носить лаптей, хотя из-за этого случалось бегать босиком до глубокой осени. Вообще многое в нашем быту было «не как у людей».

Вместе с тем конечно же эти отличия имели не только внешний, бытовой характер. Трифон Гордеевич был человеком не только грамотным, но и начитанным, он мечтал дать детям образование и для этого в 1918 году отвез Сашу и его старшего брата Костю в Смоленск, где они проучились год в школе первой ступени. Но в 1919 году, в условиях Гражданской войны, эта школа закрылась и мальчикам пришлось вернуться домой.

Мать поэта Мария Митрофановна — добрая, красивая, работающая женщина — была дочерью обедневшего мелкопоместного дворянина Митрофана Яковлевича Плескачевского. Она обладала чуткой, впечатлительной душой. Как вспоминал позднее Твардовский:

«Ее до слез трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далеких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого дерева и т. п.».

На ее плечи прежде всего и легли немалые хозяйственные заботы по обеспечению жизни семьи и по воспитанию детей, а их было семеро. С малых лет и до последних дней Твардовский всегда нежно любил Марию Митрофановну, о чем свидетельствуют не только непосредственно посвященные ей стихи, но и материнская тема, образ женщины-матери, проходящий сквозным мотивом через все его творчество — от стихов 1920–30-х годов и до скорбного лирического цикла «Памяти матери» (1965), написанного в связи с ее смертью.

В семье Твардовских никто не оставался без работы, каждому находилось дело по силам. С самого раннего возраста Саша впитал любовь и уважение к земле, нелегкому труду на ней, особенно в пору летней страды. Вместе со старшим братом он пас скотину, гонял коней в ночное, участвовал в сенокосе, помогал отцу в кузнице. Ну а долгие зимние вечера, как позднее вспоминал он, нередко посвящались чтению вслух книг Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Никитина и А.К. Толстого...

Именно тогда и возникла в душе мальчика подспудная, неодолимая тяга к поэзии, в основе которой была сама близкая к природе деревенская жизнь с ее трудностями и радостями, первое знакомство с произведениями русской поэтической классики — от пушкинской «Полтавы» до ершовского «Конька-Горбунка», а также и черты, унаследованные им у родителей. Еще до поступления в школу он начинает сочинять первые стихи.

«Хорошо помню, — писал он в поздние годы, — что первое мое стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, еще не зная всех букв алфавита и конечно же не имея понятия о правилах стихосложения. Там не было ни лада, ни ряда — ничего от стиха, но я отчетливо помню, что было страстное, горячее до сердцебиения желание всего этого — и лада, и ряда, и музыки, — желание родить их на свет — и немедленно, — чувство, сопутствующее и доньне всякому новому замыслу».

С осени 1920 года Твардовский учился в сельской школе в Ляхове, а затем в егорьевской и белохолмской школах недалеко от Загорья. Уже тогда у него обнаружили острый интерес к происходящему в жизни и страстное желание поделиться своими впечатлениями, рассказать о них другим людям. В 1924 году он вступает в комсомол и тогда же в качестве сельского корреспондента начинает посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет.

«Писал о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. п. Изредка заметки печатались».

Это были первые, еще ученические опыты будущего писателя. В одном из поздних стихотворений, обратившись к поре своей юности, Твардовский рисует выразительную

картину тех давних времен, психологически тонко воссоздавая свое тогдашнее состояние и внутренний, душевный настрой:

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И Духов день. Собрание в ячейке,
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый —
В душе поет под музыку секрет,
Что скоро мне семнадцать полных лет
И я, помимо прочего, поэт, —
Какой хочу, такой и знаменитый.

Поиски себя

Именно к середине 1920-х годов относится становление и формирование Твардовского-поэта. Идут напряженные поиски себя, и все более крепнет в нем ощущение призвания. В период работы сельским корреспондентом он печатает в местных газетах свои юношеские, непритязательные и еще несовершенные стихи. Таково было и самое первое опубликованное им в газете «Смоленская деревня» 19 июля 1925 года в разделе «Деревенское — бытовое» наряду с заметками других авторов о новом быте стихотворение «Новая изба»:

Пахнет свежей сосновой смолою.
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь — на новый советский лад.

А в углу мы «богов» не повесим
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

Между тем отношения с собственной семьей, и прежде всего с ее главой — Трифоном Гордеевичем, у осознавшего свое призвание поэта, «сурового атеиста и члена бюро», тяготившегося замкнутой хуторской жизнью, складывались далеко не просто. В 1928 году, после конфликта, а затем и разрыва с отцом, Твардовский расстался с Загорьем и переехал в Смоленск, где долго не мог устроиться на работу и перебивался грошовыми литературными заработками.

В это время большую роль в его судьбе и творческом развитии сыграл М. Исаковский, знакомство с которым впоследствии перешло в многолетнюю дружбу. Первая их встреча состоялась еще в 1926 году в Смоленске, где проходил губернский съезд селькоров. Именно тогда в редакции газеты «Рабочий путь» Исаковский обратил внимание на сочинения младшего собрата по перу и решительно поддержал Твардовского, по достоинству оценив его «большую поэтическую зоркость».

«Стихи Твардовского мне понравились, — позже вспоминал он об этой встрече. — Конечно, они не были совершенны, как и стихи всякого начинающего поэта, но тем не менее нетрудно было заметить, что Твардовский пишет не так, как другие: он по-своему видит описываемое в стихах и старается говорить своими словами, не прибегая к установившимся шаблонам стихотворной речи. В этом смысле стихи были поэтически, свежими, в своем роде оригинальными, мало похожими на те стихи так называемых “крестьянских поэтов”, которые печатались в то время в больших количествах».

Однако жизнь в Смоленске, безуспешные попытки устроиться на постоянную работу, обивание порогов редакций, скитания по чужим углам не могли удовлетворять молодого поэта. Летом 1928 года вместе с таким же начинающим поэтом Сергеем Фиксиным,

получив подписанное Исаковским командировочное удостоверение от газеты «Юный товарищ», они проехали из Смоленска в Крым с остановками в Брянске, Орле, Курске, Харькове, Симферополе и, наконец, Севастополе. Впечатления от этой поездки отразились в стихах, опубликованных в газетах «Брянский рабочий», «Красный Крым» и др.

В эти годы Твардовский пишет много, но, как сам отмечал в «Автобиографии», — «ученически беспомощно, подражательно». Строго и взыскательно относясь к себе, ощущая несовершенство своих творений, он вместе с тем ищет собственный путь в поэзии, свое особое место в ней и одновременно — ищет понимания и, быть может, признания. Этим, скорее всего, можно объяснить несколько неожиданную, хотя и не случайную поездку в Москву в 1929 году. Вот как он сам вспоминал об этом:

«Когда в московском “толстом” журнале “Октябрь” М.А. Светлов напечатал мои стихи и кто-то где-то отметил их в критике, я заявился в Москву. Но получилось примерно то же, что и со Смоленском. Меня изредка печатали, кто-то одобрял мои опыты, поддерживал ребяческие надежды, но зарабатывал я ненамного больше, чем в Смоленске, и жил по углам, койкам, слонялся по редакциям, и меня все заметнее относил куда-то в сторону от прямого и трудного пути настоящей учебы, настоящей жизни».

И зимой 1930 года Твардовский возвращается в Смоленск. Начинается новый, по словам поэта, «самый решающий и значительный» период в его литературной судьбе. Происходят существенные перемены и в его личной жизни.

В 1931 году Твардовский женился на Марии Илларионовне Гореловой, в 1933 у них родилась дочь, появились немалые заботы по обеспечению семьи. Вместе с тем именно в эти годы ощущая огромную потребность в систематическом образовании, он в 1932 году с помощью работника облисполкома А. Локтева поступает без приемных экзаменов на первый курс Смоленского педагогического института с обязательством сдать за год наряду с институтскими зачетами и экзаменами все необходимые предметы за среднюю школу. Вся эта программа была им успешно выполнена. И дальше он исключительно серьезно, настойчиво и целеустремленно учился, основательно осваивая институтские курсы литературы, философии, языка. Более того, будучи студентом, он продолжал сотрудничать в областных газетах: ездил в качестве корреспондента в колхозы, писал статьи и заметки о переменах в сельской жизни.

А эти перемены, связанные с развернувшейся коллективизацией, непосредственно отразились на судьбе семьи Твардовских. Сегодня по-новому воспринимаются слова поэта из «Автобиографии»:

«Все то, что происходило тогда в деревне, касалось меня самым ближайшим образом в житейском, общественном, морально-этическом смысле».

Рождение поэта

В пору «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса» семью Трифона Гордеевича постигла трагическая судьба. 19 марта 1931 года все члены семьи, включая малых детей, были без каких-либо оснований «раскулачены» и высланы на Север, в Зауралье, где в таежной глуши сами должны были построить бараки «спецпереселенческого» лагеря, чтобы жить в них. Александр не сразу узнал об этом, но и получив письмо от родных, не смог чем-либо помочь им. А когда бежавшие из ссылки и добравшиеся до Смоленска отец с 13-летним сыном Павлом обратились к нему за помощью, он, как вспоминает его младший брат Иван Твардовский в книге «Родина и чужбина» (1996), встретил их словами: «Помочь вам могу только тем, чтобы бесплатно доставить вас туда, где были».

Впоследствии этот поступок на протяжении многих лет доставлял поэту мучительные переживания, которыми он ни с кем не делился, нося незаживающую боль и рану в своей душе. Свидетельством тому служат и его произведения — от стихотворения

«*Братья*» (1933), заканчивающегося словами: «Что ж ты, брат? / Как ты, брат? / Где ж ты, брат? / На каком Беломорском канале?» — и до написанной в последние годы жизни поэмы «*По праву памяти*».

Благодаря неимоверным усилиям, исключительной работоспособности Трифона Гордеевича и его безграничной преданности семье Твардовские смогли выжить даже в невыносимых условиях ссылки. Через какое-то время им удалось перебраться из Зауралья в Русский Турек на реке Вятке. Туда к ним и приехал Александр в апреле 1936 года, а уже в июне с его помощью семья смогла вернуться в родные места, на Смоленщину.

В 1930-е годы разворачивается многообразная литературная деятельность Твардовского. «Именно этим годам я обязан своим поэтическим рождением», — подчеркивал он. Однако процесс его формирования шел далеко не просто. На какое-то время он даже пережил, по собственному признанию, «крайнее отвращение к «стихотворству». В начале десятилетия, кроме прозаической повести «*Дневник председателя колхоза*», он пишет поэмы «*Путь к социализму*» (1931) и «*Вступление*» (1933), в которых преобладал разговорный, прозаизированный стих.

Поэма «*Путь к социализму*», озаглавленная так по названию колхоза, получила более чем благожелательную оценку Э. Багрицкого. Отмечая в своем отзыве «настоящий и серьезный подход поэта к теме сегодняшнего дня», рецензент подчеркивал:

«Абсолютная простота ее, разговорный язык, которым она написана, ритмическое разнообразие ее — все это делает поэму весьма понятной массовому читателю».

Однако сам Твардовский, несмотря на опубликование поэмы в московском издательстве «Молодая гвардия» и положительные отклики в печати, вскоре осознал, «что такие стихи — езда со спущенными вожжами, утрата ритмической дисциплины стиха, проще говоря, не поэзия». Первые поэмы не стали поэтической удачей, хотя и сыграли свою роль в становлении и быстром самоопределении его таланта.

Широкую известность принесла поэту написанная в середине 1930-х годов «*Страна Муравия*» (1934–1936) — поэма о судьбе крестьянина-единоличника, о его непрестом и нелегком пути в колхоз. В ней ярко проявился его самобытный талант. Тогда же он пишет циклы стихов «*Сельская хроника*», «*Про деда Данилу*», ряд других заметных произведений. Именно «*Страна Муравия*» определяет в те годы складывающийся и противоречивый художественный мир Твардовского.

Судьба «*Страны Муравии*» складывалась далеко не просто. Некоторые смоленские, да и столичные критики усматривали в ней проявление «кулацкой» идеологии, изобличали Твардовского и в других «смертных грехах». Поэту же важно было услышать о ней компетентное и объективное мнение. В конце июля 1935 года на квартире у Исаковского прошло чтение поэмы «в узком кругу», где кроме хозяина присутствовали критики А. Тарасенков, М. Серебрянский и др. Поэма была встречена положительно. После этого экземпляр рукописи был передан М. Горькому, который довольно резко и во многом несправедливо отозвался о ней:

«Автор должен посмотреть на эти стихи, как на черновики. Если он хочет серьезно работать в области литературы, он должен знать, что “поэмы” такого размера, т. е. в данном случае — длинна — пишутся годами, а не по принципу:

“Тяп-ляп — может быть корабль”, или:

“Сбил, сколотил — вот колесо!
Сел да поехал — ох, хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат”».

Подобный отзыв мог бы стать убийственным, однако этого не произошло. В рабочей тетради Твардовского 23 августа 1935 года появляется запись:

«Подкосил дед, нужно признаться. Но уже прошло два дня. Обдумал, почувствовал. Переживем. И да обратится сие несчастье на пользу нам. Слов нет, теперь для меня более явственны сырые места. А что продолжает оставаться хорошим, то, видимо, по-настоящему хорошо...

Все буду слышать: и восхищение, и такие отзывы, как “колесо”, а работа будет продолжаться. Дед! Ты заострил лишь мое перо. И я докажу, что ты “ошибку давал”».

Весьма положительную оценку дал «Стране Муравии» Б. Пастернак, увидев в ней «исключительное явление в нашей поэзии». Очень высоко отозвались о ней С. Маршак, К. Чуковский и другие писатели. Поэтому Твардовский имел все основания полагать, что «со “Страны Муравии”, встретившей одобрительный прием у читателей и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора. Выход этой книги в свет послужил причиной значительных перемен и в моей личной жизни. Я переехал в Москву...»

В Москве Твардовский поступает, точнее, переводится на 3 курс филологического факультета одного из лучших в то время гуманитарных вузов — знаменитого Московского института истории, философии и литературы (ИФЛИ) и в 1939 году оканчивает его с отличием. В это время вышли его книги «Дорога» (1938) и «Сельская хроника» (1939), были написаны стихотворения «Матери», «Ивушка», «Еще про Данилу», «Поездка в Загорье» и др.

По окончании института летом, 1939 года, Твардовский посетил свои родные места на Смоленщине, и это отразилось в написанных тогда стихах («На хуторе Загорье», «На старом дворище» и др.). Осенью того же года он был призван в армию и участвовал в качестве корреспондента военной газеты в походе наших войск в Западную Белоруссию. А зимой 1939/40 года в том же качестве участвовал в войне с Финляндией.

По собственному слову поэта:

«Месяцы фронтовой работы в условиях суровой зимы сорокового года в какой-то мере предварили для меня военные впечатления Великой Отечественной войны. А мое участие в создании фельетонного персонажа “Васи Теркина” в газете “На страже Родины” (ЛВО) — это по существу начало моей основной литературной работы в годы Отечественной войны».

Эта, как позже сказал о ней поэт, «незнаменитая» война предстала перед ним прежде всего своей страшной, жестокой, трагической стороной. В одной из дневниковых записей сорокового года Твардовский запечатлевает то, что тогда впервые так потрясло его:

«Наконец вышли на поляну, большую, открытую, и здесь увидели первых убитых. Лежали они, видно, уже дня два. Налево, головой к лесу, лежал молоденький, розовощекий офицер-мальчик. Сапоги с него были сняты, розовые байковые портяночки раскрутились. Направо лежал перееханный танком, сплюснутый, размеченный на равные части труп. Потом — еще и еще. Свои и финские. <...> Жутко было видеть, например, туловище без головы. Там, где должна быть голова, — что-то розоватое, припорошенное снегом...»

Вместе с тем именно там, в снегах Финляндии, Твардовский по-новому обрел и почувствовал себя как поэт. Незадолго до окончания этой войны он писал Исаковскому:

«Люди, с которыми за эти месяцы довелось встретиться, и все, что привелось увидеть, сделали из меня почти совсем другого человека. Короче говоря, мне открылся новый, необычайно суровый и вместе с тем очень человеческий, дружный и радостный мир. Я рад, что он стал доступен и понятен мне. Красную Армию я полюбил так, как до сих пор любил только деревню, колхозы. И, между прочим, очень много схожего. Мне кажется, что армия будет второй моей темой на всю жизнь».

Война

22 июня 1941 года застало Твардовского на даче под Звенигородом. Он немедленно выехал в Москву, получил назначение в газету Киевского военного округа «Красная

Армия» и уже через несколько дней прибыл на фронт, к местам боевых действий. Вместе с действующей армией, начав войну на Юго-Западном фронте специальным корреспондентом фронтовой газеты, он прошел по дорогам войны от Москвы до Кенигсберга. Он делал все, что требовалось для фронта, часто выступал в армейской и фронтовой печати: «писал очерки, стихи, фельетоны, лозунги, листовки, песни, статьи, заметки...» Но главный его труд военных лет — это лиро-эпическая поэма «*Василий Теркин*».

За годы войны было написано немало лирических и лиро-эпических поэм, в числе которых «Зоя» М. Алигер и «Сын» П. Антокольского, «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма» О. Берггольц, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Россия» А. Прокофьева, «Невидимка» Б. Ручьева и др. Но наиболее значительным поэтическим произведением военных лет по праву считается «Книга про бойца» А. Твардовского «Василий Теркин» (1941–1945).

Впервые «Василий Теркин» был опубликован в газете Западного фронта «Красноармейская правда», где 4 сентября 1942 года были напечатаны вступительная главка «От автора» и глава «На привале». С тех пор и до конца войны главы поэмы по мере написания публиковались в этой газете, в журналах «Красноармеец» и «Знамя», а также в других печатных органах. Кроме того, начиная с 1942 года поэма несколько раз выходила отдельными изданиями. «С того времени как в печати появились главы первой части “Теркина”, он стал моей основной и главной работой на фронте», — признавался Твардовский.

При том что «Книга про бойца» — главное произведение Твардовского военной поры, его творчество тех лет весьма многообразно. Параллельно «Теркину» он пишет цикл стихов «*Фронтовая хроника*» (1941–1945), ряд проникновенных лирических стихотворений, работает над книгой очерков, фронтовых записей и воспоминаний, пронизанных глубоко личным чувством, — «*Родина и чужбина*» (1942–1946, опубликована в 1947).

Усиление личностного начала в творчестве поэта 1940-х годов проявилось и еще в одном крупном его произведении. В первый же год войны была начата и вскоре после ее окончания завершена лирическая поэма «Дом у дороги» (1942–1946).

В годы войны Твардовским были написаны такие шедевры лирики, как «*Две строчки*» (1943), «*Война — жесточе нету слова...*» (1944), «*В поле, ручьями изрытом...*» (1945), «*Перед войной, как будто в знак беды...*» (1945) и др., которые впервые были опубликованы в январском номере журнала «Знамя» за 1946 год. Как точно заметил в связи с этой публикацией критик А. Макаров, «облик войны предстает в них более сложным и суровым, мы бы сказали, более реалистическим, а сам поэт раскрывает перед читателем новые стороны своей гуманной души».

«Жестокая память»

Творчество Твардовского первых послевоенных лет пронизано тем особым чувством, состоянием души, которое поэт в одном из стихотворений назвал «жестокой памятью». Подвиг народа, простого солдата раскрывается с особым драматизмом и силой личностного сопереживания, ощущения себя на месте каждого из павших.

«Стихи эти, — отмечал сам автор, — продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное чувство как бы себя в них, а их в себе, — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство».

Эти слова сказаны Твардовским по поводу стихотворения «Я убит подо Ржевом» (1945–1946), написанного от первого лица.

Условная форма — монолог павшего воина — избрана поэтом не случайно: «Форма первого лица в “Я убит подо Ржевом” показалась мне наиболее соответственной идее

единства живых и павших “ради жизни на земле”». Горький и жестокий мотив воспоминания о polegших на поле брани разрешается обновленным чувством безграничной любви к жизни, за которую погиб солдат («Завещаю в той жизни // Вам счастливыми быть...»). Эти мотивы развиваются далее в стихотворениях «В тот день, когда окончилась война» (1948), «Сыну погибшего воина» (1949–1951), в трагическом и жизнеутверждающем цикле «Их памяти» (1949–1951).

Новый этап в развитии страны и литературы (1950–60-е годы) ознаменовался в творчестве Твардовского достижениями в сфере лирического эпоса — созданием своеобразной трилогии: лирической эпопеи «За далью — даль», сатирической поэмы-сказки «Теркин на том свете» и лирико-трагедийной поэмы-цикла «По праву памяти». Каждое из этих произведений по-своему стало новым словом о судьбах времени, страны, народа, человека.

Параллельно с этой поэмой Твардовский работает над сатирическим произведением «Теркин на том свете» (1954–1963), изобразившим «косность, бюрократизм, формализм» нашей жизни. По словам автора, «поэма “Теркин на том свете” не является продолжением “Василия Теркина”, а лишь обращается к образу героя “Книги про бойца” для решения особых задач сатирико-публицистического жанра».

Сам Твардовский вел непримиримую борьбу с наиболее мрачным, мертвящим наследием сталинщины, с духом слепого подчинения, косности и доведенного до абсурда бюрократизма. И делал это с позиций утверждения жизни, правды, человечности, высокого нравственного идеала. В сочетании фантастического сюжета и реалистически-бытовых деталей в изображении «загробного мира» реализовался творческий принцип автора: «С доброй выдумкою рядом // Правда в целостности жива...»

Однако судьба этой глубоко правдивой и остросатирической поэмы складывалась далеко не просто. Будучи в основном написанной в начале 1954 года, она была опубликована только в 1963, да и то лишь потому, что была одобрена самим генеральным секретарем Н.С. Хрущевым. Но уже очень скоро стали появляться критические статьи, в которых подвергались сомнению и поэма, и поставленный на ее основе спектакль Московского театра сатиры. Впоследствии поэма надолго «канула в небытие» и вплоть до 1980-х годов даже не включалась в Собрание сочинений поэта.

Последние годы жизни

Путь сатирического разоблачения тоталитаризма оказался не единственным в творчестве поэта. После завершения и публикации «Теркина на том свете» Твардовский задумывает, а в последние годы жизни пишет лирическую поэму-цикл «По праву памяти» (1966–1969) — произведение трагедийного звучания.

Поэма «По праву памяти» — это социальное и лирико-философское раздумье о непростых путях истории, о судьбах отдельной личности, о драматической судьбе своей собственной семьи: отца, матери, братьев, которую носил в себе и тяжело переживал Твардовский на протяжении десятилетий. Будучи глубоко личностным, исповедальным, новое творение поэта вместе с тем выражает общие чувства, истинно народную точку зрения на сложные, трагические явления прошлого.

Наряду с крупными лиро-эпическими произведениями в 1950–60-е годы Твардовский пишет стихи, вобравшие впечатления от его поездок по стране («Еще о Сибири», «Байкал», «В тайге Приморья» и др.), а также ряд лирических стихотворений, составивших книгу «Из лирики этих лет» (1967). Это сосредоточенные, искренние и самобытные раздумья о природе, родине, истории, времени, жизни и смерти, поэтическом слове.

При естественной для каждого писателя избирательности в восприятии литературных явлений Твардовского всегда отличала широта взглядов, глубина и точность оценок в этой сфере. Ему принадлежит ряд основательных, содержащих выношенные и самостоя-

тельные суждения о литературе статей и выступлений о поэтах и поэзии («Слово о Пушкине», 1962; «О Бунине», 1965; «Поэзия Михаила Исаковского», 1949–1969; «О поэзии Маршака», 1951–1967), отзывы и рецензии о Блоке, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштаме и других, вошедшие в книгу «Статьи и заметки о литературе», выдержавшую несколько изданий.

Помимо основной литературной работы, собственно поэтического творчества, особенно в послевоенное время необычайно интенсивной и плодотворной была общественно-литературная деятельность Твардовского, которой он сам придавал огромное значение. В 1950–1954, а затем с 1958 по 1970 он был главным редактором журнала «Новый мир», последовательно отстаивая на этом посту принципы реалистического искусства.

Возглавляя этот журнал, он содействовал вхождению в литературу целого ряда талантливых писателей — прозаиков и поэтов: Ф. Абрамова и Г. Бакланова, В. Овечкина и В. Тендрякова, А. Солженицына и Ю. Трифонова, Е. Винокурова и С. Орлова, А. Жигулина и А. Прасолова и др. Очень интересными и содержательными при нем стали отделы литературной критики и публицистики.

Вместе с тем его позиция и деятельность уже в начальную пору вызвали сопротивление со стороны литературного официоза и руководства Союза писателей. Летом 1954 года он был впервые отстранен от руководства журналом за публикацию в нем статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе», ряда других критических материалов, а также в связи с тем, что его поэма «Теркин на том свете» была расценена чуть ли не как «анти-советская».

Во второй половине 1960-х годов, особенно в последние годы жизни Твардовского, руководимый им журнал подвергался все большим нападкам. Они крайне обострились после событий августа 1968 года — вторжения советских войск в Чехословакию. В мае 1969 года Твардовскому было предложено уйти с поста главного редактора «по собственному желанию». Одновременно в печати развернулась массовая кампания против «Нового мира», начатая «Письмом 11» литераторов в журнале «Огонек» и продолженная на страницах газет «Советская Россия», «Ленинское знамя», «Социалистическая индустрия» и др.

Твардовский мужественно противостоял этой травле, хотя все происходящее вокруг журнала не могло не сказаться на его здоровье. В начале 1970 года вышел последний подписанный им номер журнала, а после решением Секретариата СП был коренным образом изменен состав редколлегии, после чего Твардовский не мог не принять решения об уходе.

Здоровье Твардовского ухудшалось. В сентябре 1970 года он был помещен в больницу с частичным параличом правой стороны: отнялась рука, появились затруднения речи. Вскоре выяснилось, что у него к тому же запущенный рак легкого...

И все же, несмотря на самые пессимистические медицинские прогнозы, он прожил еще более года, не желая сдаваться смерти и мужественно сопротивляясь ей. До последних дней он сохранил ясное сознание, интерес к жизни. И вместе с тем он спокойно и твердо встретил неизбежное. Умер Твардовский в ночь на 18 декабря 1971 года в дачном поселке Красная Пахра под Москвой. А 21 декабря он был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Вся разнообразная писательская деятельность Твардовского несет на себе отпечаток его незаурядной личности. В эпоху всяческой ломки и эксперимента он неизменно утверждал естественность и органичность поэтического творчества, продолжающего лучшие традиции предшественников, опирающегося на многовековой опыт духовной культуры народа и человечества, питаемого вечным обновлением, новизной окружающего мира.

Продолжая и обновляя достижения отечественной классики — Пушкина, Некрасова, Тютчева, Бунина, разнообразные традиции народно-поэтического творчества, не обходя

и опыт видных поэтов XX века, Твардовский продемонстрировал далеко не исчерпанные возможности реализма в поэзии нашего времени. Его воздействие на современное ему и последующее поэтическое развитие, роль в формировании литературного процесса и вклад в отечественную культуру несомненны и плодотворны.